

библиотека журнала Алтай

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛТАЙ[®]

ТОМ ВТОРОЙ

Барнаул 2007

ББК 84 (2-РОС-РУС)-6
А-521

*Книга подготовлена
Алтайской краевой общественной
писательской организацией и издана
при финансовой поддержке
Администрации Алтайского края
в рамках краевой целевой программы
«Культура Алтайского края»
на 2007 - 2010 годы.*

Редактор-составитель *В.Л. Казаков*

А-521 Литературный Алтай. Том второй. Проза, поэзия. -
Барнаул, 2007. - 384 с. (Библиотека журнала «Алтай»).

ISBN 978-5-903387-05-2

ББК 84 (2-РОС-РУС)-6

© Литературный Алтай, 2007

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА БЕЗРУКОВА

Родилась 1.06.1976 г. в г. Барнауле. В 1993 г. окончила гуманитарный класс школы-гимназии, а в 1998 г. - юридический факультет АГУ. Автор поэтических книг «После таянья льда», «Набросок».

Лауреат муниципальной Пушкинской премии. Член Союза писателей России.

Живет в г. Барнауле.

Вот улыбка - лодочка, челн
В страны, где в пыли босиком
Жизнь ветхозаветнее, чем
Глиняный кувшин с молоком.

В домике молчанье плывет,
Словно запах хлеба с огня.
Сонный день, струящийся мед,
Подержи в ладонях меня

В двух витках от мертвой петли,
В двух глотках от мерзлой земли,
В детском сне, детсада окне,
Где рукою сын машет мне.

Помню жизнь на запах и вкус.
Помню и запомнить боюсь
Дым табачный, рот в молоке,
Вечные, как жизнь в мотыльке...

Если загадывать - то ливень густой в окно,
Мокрые ветки - русалочки косы, руки...
Мысль - это брод не за реку, а на дно,
И если она спасенье - то лишь от скуки.

Как голова одуванчика, но глупей,
Лампа фонарная - все-то кивнуть боится.
Улица голубятам без голубей,
Узкая и прогорклая, как больница...

Брось врачевание, в белом не мельтеши,
Капельница напрасно мечтает стать веной.
Что ни чужой - все к тебе да на дно души,
Словно другого места нет во вселенной.

Думаешь, там хорошо? Кто тебе сказал? -
Пыльный чулан, сырость по стенам плачет.
...Ну, в лучшем случае - смытый дождем вокзал,
Где мокрый тополь беглую птицу прячет...

Т.Б.

Уезжая в столицу (я знаю - дела, дела...)
И свою никому ненужность в глазах итожа,
(Родилась, полюбила, отчаялась, родила... -
Да, в таком порядке, иного и быть не может).

Ты ловец ветров, а наивнее, чем они.
У тебя еще на руках от пеленок запах.
У тебя еще по-сибирски бескрайни дни,
Сокращающиеся с каждым рывком на запад.

Здесь по улицам будто и вправду прошел медведь,
И граненый снег в червоточинах солнца - замок.
Уезжай, потому что будет о чем жалеть,
Потирая руки в обветренной сетке ранок.

Здесь проулки роняют зубы с весенних крыш
И прокуренным небом к земле прижимают грубо.
Мне сказать бы, родная, что ты не о том грустишь...
Только имя твое уже забывают губы...

Я с варежек роняю мокрый снег,
Остатки солнца в золотых сугробах...
И дышит жизнь, как девочка во сне, -
Не трогай

Там мама ставит часики на семь
И в сон уходит белыми плечами.
Я - умненькая (глупая совсем)
В начале

Я выкормлена теплым молоком,
Но, тельце школьной формой окутав,
Я изучаю страх под языком -
Откуда

Я различаю трещины в коре
Земли, что держит и меня, и маму.
И смотрит мертвый голубь во дворе
Упрямо

В меня, а там, в соленой глубине
Едва качнется стрелкою минутной
Резиночка от варежки ко мне,
Мой грязно-белый стропик парашютный.

Река, Рахманинов, разлука.
За сотым тактом будет грусть.
От умирающего звука
Я острой лодкой оттолкнусь,

Так, чтобы темень перерезать
Одним гребком, одним глотком.
Ах, легкий пульсик переезда
От пустырей до перелеска,
Где ветер пахнет молоком...

Где, мелким дождиком перченый,
Теплеет домик под горой,
Где в бочковой водице черной
Лишь дождь да луч сторожевой,

Что был штрихом в начальной скрепке
Ключа скрипичного, пока,
Ломая нотных линий ветки,
Старик по дебрям шагом метким
Вел музыку издалека.

Он вышел в тишь с концертов душных.
Как хорошо, когда не нужно
Для полноты ни нот, ни слов!
Дай руку, помолчим... Но кто же
Вдали рыданьем ночь корежит?
Не дети ль наших голосов?...

По суетным словам скользить губами,
Что капли слушать в водосточном гаме.
Но нарастает гул между висков...
И молодость - просвет меж голубями,
Летящими над нами высоко...

Коснешься слов - моргнет судьба слепая,
Качнется ветка, листья осыпая, -
Несказанного слова темнота.
А вдруг во сне его - воронья стая
И струйка изумленная у рта?

Запомнись так, когда дыхание ровно,
Когда стихи легко и полнокровно
Живут во всех предчувствиях твоих.
С руки последний голубь твой отпущен.
Как спящие нежны и всемогущи! -
Разгадки наших судеб затаив...

В беззвездном, заколоченном дому
Тоскою награждают по уму
Всех проходящих в этот мир скрипучий
За каплей смысла, за водой живой -
По тропке - нет, по кромке ножевой,
Сквозь сон неровный, просекой колючей...

В уставшем насмерть, в стонущем дому
К полыни ли, к погибели, ко сну
Все клонится... Качают половицы
Гнилую кадку с горькою водой -
Едва пригубишь - и уйдешь седой
Ко всем чертям, боясь остановиться...

- Хозяин, нашим думам вопреки,
Здесь живы только сны и пауки,
Здесь дух сродни отравленному зелью.
Сотри меня, я стар и нездоров,
Твой вечный дом, твой перекрест миров,
С окном на рай, с калиточкой на землю...

Алое зернышко,
След восьмигранной звезды,
Как уцелеть от космической той мерзлоты
В детском испуге далеком?
Будто со снимка застывшего из-под стекла
- Чувствуешь? - как потаенно слеза потекла,
Будто бы ниточка с богом...

Алое зернышко, бродит гранатовый сок.
Линия жизни - скольжение наискосок
Вниз, до развилки упругой. -
Зло и добро, день и ночь, два крыла, две руки,
Два тонких берега невозмутимой реки
Только и живы разлукой...

Чья в тебе сила? - И бога, и дьявола след.
Сердце в начале строки, а на выходе - свет,
Чтоб далеко засмотреться...
Даже когда целый мир ослепляет глаза,
Ты будешь найдено, если тропинка - слеза,
Алое зернышко,
Сердце...

Я никогда не вернусь
В хруст этих писем путанных,
Там наступить на ветку
(Пусть никого в лесу) -
Громче паденья сосен,
Снегом до неба укутанных...

Как же ты раньше
Выдохом
Держал меня на весу?

Снова предметы стали
Медленными и твердыми -
Стулья, стакан и воздух
С трещинкой до ядра...

Слышу, как льется ночь
Улицами-аортами, -
Ей, как любви, бессмысленно
Дотягивать до утра...

Стрела часовая, пронзительная игла,
Ты целишься мимо, тебя уже не спасти.
Зеленая книга падает со стола,
И строки внутри изменяют свои пути.

Крутнешься на пятке, как время на запятой. -
И век тридевятый, как снежное поле, чист.
Я - тоже случайность, я - буква из книги той,
Не помню, какая, а кто написал - молчит.

Легко безымянной жить, проливая чай
На строчку стихов на газете «Купи-продай»,
Коль выпал из книги и вырвался невзначай
Из каменной кладки одной из ненужных тайн.

Нас больше не смогут собрать воедино, нет,
Из глупых людей не бывает надежных строк.
Искатели Книги, ах, все суета сует,
Любите детей, ищите других дорог!..

Бабочки ресниц дрожат
За глоток до пробужденья,
Мир вращается вокруг.

То, чем ведьмы ворожат,
В детской дреме - от рожденья,
От кувшинки белый круг.

Лебедь белый, переправь
Через пруд меня, пока что
Длится сон на волоске.

Не успеем, хлынет явь,
Дрогнет пруд слезинкой каждой,
Рухнет берег вдалеке.

Оборотной стороной
Встанет комната, ребенок
Дышит белою зимой.

Чей ты, маленький, земной,
Потянувшийся спросонок,
Неужели мой?..

Страшные ветра, те еще...
Правда на земле - ложь.
Ешь своих детей, времище,
Только моего - не трожь.

Помешай клюкой варево,
Слышишь? - из веков шаг -
Мальчик мой в рассвет, в зарево
Превращает твой мрак.

Он хранитель звезд тающих,
Он творец иных звезд.
Вечность - ты судьба та еще,
Если встать во весь рост...

Холодит рассвет смолоду.
С ночи выходи, сын,
Уводить ветра по воду
Да в поля пускать сны...

Вот сказку перечел.
Да восвояси вышел,
Ботинки нацепив
И гномий капюшон.
И вьются воробьи
Над крышами и выше,
И Карлсон полетит
Вот-вот за малышом...

Вон рассыпью дома,
Машины и собаки,
И булки голубей,
И семечки с руки.
И лестница висит.
Незримая для всяких,
Кого маршрутки ждут
И служба, и долги.

Ступеньку улови,
Как подбираешь ноту,
Чтоб спеть всего себя,
Не допуская лжи.

И точно теплый мед
Закладывая в соту,
В один воздушный шаг
Весь замысел вложи.

А дальше поспешай,
Как воробышка, прытко -
Ведь лестница летит,
Ведь лестница плывет.
А хочется узнать,
Чем кончится попытка,
К чему прикреплены
Веревочки ее.

А дальше, дальше что?
Раскачивает ветер
Веревочную ось
Всей музыки моей.
Два мига, два шажка -
И краешек засветит!..

Но чем взрослее я,
Тем лестница длинней...

Медленные ночи расставаний.
Черные от света фонари.
Я больна тенями и словами,
Точно плод с распадом изнутри.

Косточка, подточенная смертью,
В мякоти, как точка на мольберте,
Ты - начало, как там ни крути.
Там, где кожура твоя пробита,
Точно дверца первая открыта
К музыке из омута в груди...

Косточка ли, пуля или слово...
Если Богом в лоб не поцелован -
Все еще возможно - оживи.
А потом, прожженный этой метой,
Ты прикован, ты припаян к свету
Берега, рождения, любви...

Я плакала у ветра в рукаве,
До ливня, до колодезного эха,
А ветер мел руками по траве,
И смерть росла до краешка, до верха,

Переходя черту, где гаснет свет,
Я в мокром платье, сопли утираю,
Расту, роняю чашку, умираю,
Во дворике забыв велосипед...

Нам никогда не выйти из дождя,
Он льет из нас - от всхлипа до рыдания.
Как затянулось детское гаданье,
Где жизнь и смерть сошлись полушутя.

Замри, замри, монетка, на лету
Над хлипкой решкой и орлом суконным,
Покуда мир темнеет, как икона,
И лица западают в темноту...

Жар прорывая коленями и локтями,
Вздрагну, проснусь, градусника шкала
Луч одинокий вверх к поднебесью тянет...
Бабочка паутину крылом прожгла.

Я не хочу за лучом. В этих мокрых тучах
Нам, сухопутным, вовсе пощады нет.
Что я в миру убийственных звезд падучих?
А на ладони камушек держит свет.

А на ладони - той паутины нитки,
След от ожога с кожи уходит вглубь.
Глупо хранить лица, стихи, открытки
С первого класса - до смерти когда-нибудь...

АЛЕКСАНДР ЛЕОНГИНОВИЧ БЕКК

Родился 2.11.1926 г. в с. Деляр Энгельского района Саратовской области. Великая Отечественная война определила местом жительства Новосибирскую область. Работал конюхом, рабочим совхоза, слесарем, шофером. С 1968 г. на Алтае, в г. Славгороде сотрудничал с газетой «Роте Фане». Стихи публиковались на страницах немецких газет, еженедельников, в «Антологии советско-немецкой культуры». Автор книги стихов на русском языке «Созидание». Член Союза писателей России. Живет в г. Славгороде.

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ, КЛЕН

Я прислушиваюсь к пространству
и спрашиваю:
начало это или конец?
Клен перед моим домом
обронил последний лист...
Я прислушиваюсь к холодеющей земле,
внемлю ее глубинам,
ее высотам.
Я внимаю векам и секундам,
и музыка возникает в сердце моем.
Да, сердце мое
влюблено в жизнь и свет,
влюблено в волнение и бурю.
Клен мой, клен,
не грусти,
не ищи в печали отрады!
Ты песню свою пропел
и листву свою обронил, -
не пытайся бороться с зимою,
но помни,
что песня живет вовеки...

СЕНТЕНЦИЯ

В чем истинной поэзии
секрет?
Вот - дерево.
Ему и быть ответом.
Оно дает плоды,
но столько лет
плодонося,
не говорит об этом...

ЛЕТНИЙ ЛИВЕНЬ

То шагом, то рысью,
то снова в галоп,
как будто на битву, на сечу,
бросается конь мой
под ливень вздохлеб,
распутице летней навстречу!
Земля набухает.
Бурля и хрустя,
смываются шлаки и копоть.
Я нынче ликую,
смеюсь, как дитя, -
по лужам мне хочется шлепать.
Спасибо, природа,
за дождь, за вино,
за памяти юной наследство;
за то, что сегодня
мне было дано
попасть в мое дальнейшее детство.

Над степью жаворонка трель,
как мысль о скором лете -
явился май, ушел апрель.
Любовь во всем на свете.

Шагаю я через поля,
мечтой обуреваем, -
в моих объятьях вся земля,
я счастьем пьян и маем.

Я снова юн и полон сил,
жизнь подает мне вести.
Я майский ветер пригласил
лететь со мною вместе!

Перевод Е. Витковского

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БОЖЕНКО

Родился 4.06.1954 г. на станции Шипуново Алтайского края. В 1977 г. окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. Работал в «Алтайгражданпроекте». Участвовал в разработке ряда серьезных градостроительных проектов. Автор нескольких книг прозы - «Автобиографическое соло, или Почему кричит какаду», «Богемные страсти», «Избранное» и др. Член Союза архитекторов и Союза писателей России. Живет в г. Барнауле.

ПУТЬ К ЖИЗНИ, или РЯДОМ С МАЭСТРО

(Воспоминания о художнике В.Ф. Рублеве)

ВСТУПЛЕНИЕ, или

ОКНО ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Когда я беру в руки чистый лист бумаги, я вспоминаю Рублева. Художника - Василия Федоровича Рублева. Почему так? Отчего это? То ли от мучительного напряжения в единоборстве с неуловимой линией? То ли от сладостного ощущения покорения пространства листа? А может оттого, что лист бумаги - это окно. Окно, в котором я вижу вдохновенный лик Рублева. Стыжусь сказать - друга. Боюсь сказать - учителя.

Чем более отдаляется последняя встреча с ним, тем ярче вырисовывается масштаб его личности. Тем явственнее его роль в художественном процессе. И тем чудовищнее вакуум ниши, которую он занимал в этом процессе...

Воды Леты вымывают легкую бытовую взвесь из золотоносного песка его жизни. Остается главное. Остается возвышенность Духа. Точнее, ощущение причастности к духовному воспарению.

И вот я взял в руки чистый лист бумаги. Чтобы изложить на ней воспоминания о Рублеве. Во всяком случае, то, чем мне захочется поделиться с любознательным читателем.

Я думаю, достаточно ли воспроизвести события прошедших дней. Или прибегнуть к художественному вымыслу? И я решил, вымысла не должно быть. И не будет. А будет сдержанно-ироничное авторское повествование о дорогом сердцу человеку. И абсолютно достоверная прямая речь персонажей. Что противоречит официальной теории мемуарного жанра.

Ну и черт с ней!

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО, или

В ПЛЕНУ ЛОЖНЫХ ИДЕЙ

С Василием Рублевым я познакомился в конце 70-х годов. Незадолго до празднования 250-летия Барнаула.

Отцы города готовили всенародное торжество. Архитекторы и художники были озадачены проектированием патриотических объектов. Это были Дворец хлеборобов и монумент целиннику, памятник бойцам стройотрядов и монумент комсомольской славы. Среди них оказался монумент Строителю. Именно так - с большой буквы.

Надо заметить, что работа над подобными сооружениями велась соответственно духу времени. Без градостроительного осмысления. Заказы на монументальные произведения поступали в Алтайский худфонд. Затем распределялись между художниками. Скульптор лепил какого-нибудь Геракла с серпом или молотом. После чего приглашался архитектор со стороны. Чтобы придумать к скульптуре приличествующий случаю постамент. С памятниками вождям мирового пролетариата было все ясно. А вот работа с монументами-аллегориями частенько заходила в тупик. И дело не в профессиональной слабости творцов. Просто в городе, заставленном типовыми многоэтажками, не оставалось места для крупных художественных произведений. Тем более - аллегорий. Это понимали многие. Кроме штатных идеологов. Такая вот пресамбула.

Почетная миссия создания монумента Строителю была поручена беспартийному Рублеву. С одной стороны, этот факт характеризовал руководителей худфонда как прогрессивно мыслящих. С другой - как политически незрелых. Я думаю, дело было проще. Члены партии были заняты более «серьезной» работой. Они ковали головы барнаульских революционных активистов. За деньги. Но я отвлекся.

Рублев разработал эскиз монумента. Точнее, модель из гипса. В масштабе один к десяти. С этой моделью он явился в гости к архитекторам. К нам, то бишь.

К тому времени я с товарищами уже имел опыт проектирования монументов. Это были Владимир Ли и Виктор Четошников. Первый умел клеить бумажные шары из одной выкройки. Второй чертил тушью линии тоньше беличьего волоска. Второе мы систематически унижали старшее поколение местных зодчих. Видимо, поэтому Рублев появился у нас. Вчетвером мы расселись на столах с чертежами. Гость оказался интересным собеседником с внешностью иконного святого и замашками ирони-

зирующего эстета. Кроме того, он напоминал заметно подростка Пьера Ришара. Когда улыбался. Потом он развернул модель монумента.

Измощенный, но широкогрудый Строитель, подняв громадный мастерок, энергично шагнул навстречу ветру. Или даже - светлому будущему. Левая рука - на отлете. Видимо, символизировала крыло. Или состояние духовного воспарения. Формальное решение скульптуры напоминало фигуру рабочего из знаменитой Мухинской двухфигурной композиции. И удивляло воображение зрителей силой собственной динамики.

Мы не ожидали такой мощной поступи социалистического реализма. Особенно в провинциальном Барнауле. Тем более, что Витя Четошников оказался воинствующим оптимистом. Он предложил покрыть мастерок гиганта сусальным золотом. Вова Ливсегда был сторонником более изящных решений. Поэтому предложил вмонтировать в мастерок зеркальце. Или фонарик. Видимо, для освещения дороги в светлое будущее. А может быть в ближайший гастроном. Я же вносил разлад в творческую дискуссию. Подозревал, что в руке у Строителя не мастерок, а кельма.

Так мы и познакомились. И согласились решить архитектурную головоломку - найти точное место, размеры и ориентацию будущего творения. При изучении предложенного участка выяснилось, что монумент должен быть очень высоким. Дабы зрительно не «потеряться» на фоне девятиэтажек. Рублев согласился, что единственный выход - поставить скульптуру на высоченный постамент. Рождилась идея сложной вертикали из металлопроката. И работа закипела. Мы приготовили макет для Градостроительного совета.

И вдруг! О, это спасительное слово «вдруг!» И вот тут-то обнаружилась интересная деталь. При просмотре монумента с близких точек неумолимо появлялся ракурс, когда левая рука Строителя проецировалась между его широко раздвинутых ног. Порождая эротические ассоциации. Или того хуже - порнографические! Это был крах! Беспартийный Рублев ознакомился с нашим открытием. После чего совершенно остыл к идее увековечения заслуг советских строителей перед партией и народом. Тем более, на фоне безобразно-панельного дома. С нижним бельем на верхних балконах. И с верхним на нижних.

Мы откупорили бутылку с вином. Переделывать фигуру Строителя Рублев не захотел. В ней он видел полностью завершенную, пластически яркую вещь. Когда бутылка опустела, он сказал:

- ...От великого до смешного один шаг... Я предвидел нешто подобное... - Он так и говорит «нешто» с мягким «ш» в середине слова.

Оказалось, что этот шаг сделал злополучный Строитель светлого будущего.

Прогрессивно мыслящие деятели худфонда и худсовета все же оказались политически незрелыми. Хотя тоже сделали соответствующие шаги. Не говоря об оргвыводах.

Так состоялось мое знакомство с Василием Федоровичем Рублевым. И так не состоялся монумент Строителю в Барнауле.

СВОБОДА ДУХА,

или

ЧТО ДЕЛАТЬ С ЖЕНЩИНОЙ

Рублев был жизнелюб. Все, что его окружало, приводило Рублева в восторг. Люди, произведения искусства, случайные вещи. Он мог поднять с земли камушек и восторгаться его текстурой. Или остывший ручеек стали и любоваться его формой.

Как-то слонялись мы по выставочному залу. Он подошел к откровенно плохой работе. Отгородил руками фрагмент грязно-жухлого горно-алтайского пейзажа и сказал:

- Смотри - космос!

И действительно, меж его ладоней светилась космическая бездна.

Здесь я должен отвлечься. Рублев любил оптические игры. У него была огромная линза. Видимо, от школьного телескопа. Через нее он любовался иллюстрациями шедевров живописи. Точнее, цветовыми пространствами внутри этих картин. И приучал остальных.

Делалось это так. Рублев подсовывал альбом Рембрандта, затем подсовывал увеличительное стекло. Мне оставалось лишь навести линзу на грязные пятки блудного сына. А дальше происходили замечательные превращения. Цветовое пятно под линзой вдруг обретало глубину. Взгляд проваливался в красное клубящееся облако совершенно иного мира. Глаз невольно отыскивал чудесные образы в том новом мире, но этот мир открывался не сразу, а после некоторых усилий на пути к понимаю природы глубины цвета. И линза помогала преодолеть этот путь.

Вот зачем я вынужден был отвлечься.

Как-то раз брели мы втроем по улице. Рублев, Кульгачев и я. Впереди, раскачиваясь, дефилировала босоногая цыганка, совсем юная, носочками наружу.

Рублев озарился:

- Боженька мой! Как свободно она идет!

Он стремительно приблизился к ней. Заговорил. Юное чудо обернулось к Рублеву. В ее глазах уже сияла любовь. У нас с Мишей отвалились челюсти.

Я иногда задумываюсь, почему все женщины любили его? Или почти все. То ли за внимание, которым он одарял самую недоласканную, то ли за свободу, которой он награждал самую недоступную. А может быть, женщины чувствовали в нем божественное начало. Как это бывает с гениями. Хотя, я далек от мысли идеализировать Рублева, чей облик мало-помалу начинает бронзоветь, особенно в глазах посторонних. В этом смысле весьма интересно его позитивистское отношение к проблеме полов, ведь он не единожды повторял:

- Если любишь женщину, обязательно переспи с нею.

И тут же заявлял совершенно противоположное:

- Нет лучшего способа обладать женщиной, как рисовать ее.

Было в тех словах нечто иезуитское, что неизбежно для начатанного жизнелюба.

К чему я все это вспоминаю? Ах да, к вопросу о жизнелюбии. Поэтому расскажу вот что. В свое время в Барнауле был построен многоэтажный корпус больницы моторного завода, что на улице Малахова. Торцы этого корпуса был виден издали. Поэтому на торце было решено разместить декоративное панно с условным названием «Здравоохранение». Для усиления архитектурной выразительности застройки, как говорилось в задании. Это была нелегкая задача.

Рублев взялся за ее решение. И сделал эскиз скульптурной композиции. И не один. Сначала в гипсе, потом в глине. В полторы натур. Которую назвал «Чистое небо». Вызывая восхищение у друзей и зависть у коллег.

Парная композиция венчалась парящим младенцем над руками матери и отца. Парящее дитя ассоциировалось с ангелом, струящиеся одеяния родителей - с облаками. Внутренние ритмы одежд создавали эффект шевеления тел, кисти рук тянулись к библейски традиционному младенцу, как к парящему в свободе духу, перешагивая рамки христианской религии.

Когда я первый раз увидел *это*, я вздрогнул. Мне показалось, что я путешествую во времени. И переместился в эпоху Ренессанса. В мастерскую Микеланджело. Мне показалось, я увидел Сотворение Мира.

Все это я и вывалил Рублеву прямо в глаза.

Он слушал меня. Ходил перед моделью, мямл в пальцах глину. Изредка прижимал кусочки к целому. В самых неожиданных местах. И говорил:

- Нужно копировать мастеров... Трудно надеяться, что можно изобразить то, чего не видел Микеланджело или Рафаэль... Можно копировать, опираясь на невысказанное ими... Новое растет из старого. Любые притязания - ложь...

И еще что-то про ускользающую правду.

На его всклокоченной шевелюре вспыхивали солнечные лучики, высветляя высокий лоб.

И еще он сказал:

- Жизнью движет любовь...

Он так и произнес «любовь», с твердым «в» в конце слова. Наверное, эти слова иллюстрировали его жизненную сущность или философскую концепцию, что, в принципе, одно и то же.

Я слушал Рублева. И начинал догадываться, почему его любят женщины.

ПАМЯТНИК ШУКШИНУ, или ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

Талантливые люди притягиваются друг к другу. Траектории их судеб пересекаются. Волею случая, в каком-то месте и в какое-то время. Так пересеклись судьбы Василия Рублева и Василия Шукшина.

А дело было так.

Идея увековечения памяти известного писателя, кинорежиссера и киноактера зрела давно. Особенно в умах барнаульских художников. Более того, барнаульцы обращались в правительственную комиссию за разрешением на установку памятника. Но безрезультатно!

Барнаульский скульптор-самоучка Николай Звонков тоже хотел сделать памятник Василию Макаровичу. Многолетние его потуги не давали результата. Члены выставкомов отвергали один эскиз за другим. И правильно делали. Хотя Звонков был энергичен, а за его спиной стояла производственная база огромного шинного завода.

Приближалось 60-летие Шукшина. А памятника знаменитому земляку в Барнауле не было. И не предвиделось.

К тому времени я уже несколько лет работал главным художником города. У меня накопился кое-какой созидательный опыт. И я решил соединить производственную базу самоучки с талантом профессионала. Я выбрал самого талантливого - Рублева. И предложил ему изваять памятник. Совместно со Звонковым. Задаром. И без правительственного разрешения. Я давно знал: победителей не судят.

изгибом формы. Точнее, за гранью ортогональной проекции тела. Как говорят технократы-архитекторы.

Василий Федорович Рублев наблюдал. И мягко убеждал, мол, в рисовании нужно добиваться ощущения, что любое наше действие - действие космическое. Мол, чувство предельной значимости любого шага не должно покидать нас. Даже во сне...

Разные люди приходили на занятия его студии. Одни - чтобы учиться. Другие - поглазеть. Что вполне естественно. Ведь искусство принадлежит народу. Если верить газетам.

Замечено, что зрители не всегда верят художнику. Иному зрителю кажется, что рисовальщик незнаком с человеческой анатомией. Особенно непосвященному. Или облеченному властью.

Вообще, странные вещи делает власть с людьми. Под ее гнетом посредственность превращается в агрессивную посредственность. Почему это происходит? То ли серость интуитивно тянется к власти. Компенсируя собственный комплекс неполноценности. То ли врожденная агрессивность нуждается в позолоте. Для маскировки духовной нищеты. Или я слишком субъективен? И мой максимализм мешает увидеть главное.

Наверное, не следует отвлекаться от темы.

Короче, я тер сангину о бумагу. Тщетно пытаюсь уйти от рисования плоского силуэта. К рисованию объема. Скручивая фигуры вокруг вертикальной оси.

Я заметил одну поразительную особенность. Рублевские рисунки выдерживают большое увеличение. Особенно наброски. Особенно с обнаженной модели. И неизбежно удивлялся его способности создавать безукоризненную форму.

Однажды он демонстрировал эту способность. Точнее, предлагал всем делать упражнение на лаконизм рисования. Работая толстым грифелем на крошечных форматах. Размером с пачку сигарет. Или даже - со спичечный коробок. Фокус прост. Крохотное поле и толстая линия не давали возможности лгать. Малейшая неточность уничтожала портрет. И разговор шел даже не о точности изображения, а о точности образа.

Не могу не сказать об учительском таланте Рублева. Он учитывал особенности аудитории. Зодчим он говорил примерно так:

- Рисунок, который вы осваиваете - это конструкция. Этостройка. Это колонна. Это башня, соединяющая землю с небом...

Потом помогал посмотреть на выстроенную конструкцию с иной точки зрения. Например, с нравственной позиции. Он так и заявлял:

- Можно выстроить здание до неба и не знать зачем... Можно выстроить храм, чтобы плевать с высоты на землю. Или плюнуть в Небо...

Яркость его речей доставала до сердца. Или до печенок. Скорее всего, до сознания. Потому и запоминалась.

Однажды Рублев рассказал притчу:

«Я строю храм, - сказал один строитель. - Зарабатываю на хлеб насущный, - сказал другой. Третий простонал: - Такова наша тяжкая доля - гнуть спину...»

После чего наш учитель завершил тронную речь:

- Мы строим храм... Храм нашей Души.

Вдохновением пылали его глаза. И пылал огонь в камине.

ИДЕИ ПОДСОЗНАНИЯ,

или

ЗАЧЕМ НЫРЯТЬ В БЕЗДНУ

Как-то Рублев показывал мне свои рисунки.

Среди бумаг обнаружилась папка с автопортретами. Он стал раскладывать крохотные рисуночки. Немного стеснясь. И гордаясь одновременно. Это были наброски на тетрадных листах, на кусках обоев, на промасленных обертках, на этикетках и вообще на чем попало. Как и водится у порядочного рисовальщика.

Я смотрел. Автопортрет с бородой. Автопортрет без. Автопортрет с явной небритостью... В своем стиле. При этом Рублев говорил:

- ...Глаз художника берет то, что есть в жизни... Он исследует жизнь как она есть... Правда жизни ускользает. Неправда лезет в руки...

Перед нашими глазами дратые чернильные линии по мягкому картону. Никаких мелочей. Только свет и тень. Трагический образ.

Рублев перекладывал рисунки и продолжал:

- ...Иногда бывает плохо, и кажется, что душа умерла. Тогда подхожу к зеркалу и рисую себя. Автопортрет показывает - вижу я или не вижу...

На листе жирные линии черного соуса. Чуть тронутые растущей палочкой. Точнее, пальцем. Живая неровная линия лепит мощный череп. Максимальное упрощение. Моя любимая техника.

Рублев поясняет:

- ...Крайнее обобщение должно приводить к индивидуальному. К портрету...

Еще один автопортрет. Экспрессия черного и белого. Взмах крыла перед лицом. Движение воздуха вокруг головы. Скользящий по форме свет. Сияющий вокруг неск.

И еще портрет. Из воздуха соткалось лицо. И выдвинулось из стены тумана. Так мощно и рельефно! Я охнул. Рублев со-

здавал не форму! А свет вокруг нее! Я попробовал словесно сформулировать эту идею. Рублев согласился. Болес того, развил эту мысль. Он сказал нараспев:

- Художнику удастся идти вперед, только следуя идеям, vyplывающим из подсознания...

Я слушал и думал: «Из подсознания или из-под сознания?» Хотя, мне нравились оба варианта.

Второй раз к теме подсознательного творчества Рублев вернулся на студии в Доме архитектора. Он принес на занятие несколько автопортретов. Бережно разложил на подиумах.

Вот сепия. Сознательно акцентированная асимметрия лица. Хотя сделан фас. Снова скольжение света. По буквально «распаханному» лбу. Хотелось сказать «челу»...

Вот снова черный соус. Экспрессивные штрихи. Или даже нервные. Таким себя можно увидеть в зеркале только больным. Страшным, истерзанным и растерянным. Такие лица я видел в кинохронике. После Цусимы...

Вот цветной мел с углем. Голубые пятна щек. Из недр листа проявляется призрачный лик. Страшный и неотвратимый. Как железнодорожная платформа на перегоне...

Следом потянулись забытые разговоры. О творческом методе. И смутные догадки. О разрушительной работе подсознания. Из той сумятицы я вспоминаю лишь пару фраз. Рублев сказал так:

- ...Мысль придет потом. Сначала надо нырнуть в бездну... Я заметил, чем ярче слово, тем глубже мысль. Которая пробивается в тайне миропонимания. Через неведение сущности. К безмолвию мудрости. В общем, за яркостью Его слов таилась сокровенная цельность его души. Или Духа.

Рублев был понятен. И одновременно непостижим.

УРОКИ РИСОВАНИЯ, или

НЕУМЕЛОЕ УМЕНИЕ МУДРЕЦА

Рублев продолжал вести занятия своей студии в Доме архитектора. Иногда привычное рисование он превращал в игру. В коллективный аттракцион. С иллюзией свободы для каждого. В игру с названием:

«Я - гениальный рисовальщик».

Он распрямлялся. Поднимал всклокоченную бороду. И вдохновенно начинал:

- Так... Все, что отвлекает нас, должно перестать существовать... Помыслы собраны воедино... Дух безмятежно спокоен... Рисуем...

Я замирал над листом. Раздвигая ум и тело. Пусть руки живут отдельно от головы. Пусть руки «думают» сами...

И вот мир двинулся. Нет, шевельнулось белое поле листа. Создалось красное пятно. Из крошева сангины. Затем потянулась линия. Долгая, долгая, мучительно долгая линия. Надо бы помедленнее. Как учит Рублев. Да куда уж там! Сознание не успевает за телом. Это ж наваждение! Поздно! Рисунок уехал за край листа. Все нормально. Важен процесс, а не результат. Растереть все. Смазать ладонью. Под руками возникает красное облако. Как пыльная буря. В руках уголь. Вживляю новую линию. Вторым слоем. Черным по горячему. Чуть проехать пальцем по жесткой линии. *Есть!* Есть пространство! Возникло! Явилось!

Я упираюсь взглядом в нарисованное.

Зачем я это делаю? Зачем я здесь? Может быть, я хочу понять себя? Или хочу понять других? Или я хочу славы? Ведь я тщеславен. Как всякий художник. Нет, все проще. Мне радостно рисовать. Просто получать удовольствие. От чуда, возникающего из-под собственных рук. Уподобляясь Создателю. Сотворяющего мир...

Не скромно, правда, сказано. Зато и не слабо!

Рублев продолжал:

- ...Не старайтесь рисовать для кого-то... Или для чего-то... Истинно большая форма откроется тому, кто рисует без цели...

Рисование обрело вдруг мистический характер. Студийная атмосфера наполнила мои действия смыслом. И не только мои. Я колдовал над бумагой. Происходила некая внутренняя борьба за жизнь изображения. Сопровождаемая стонами, вскриками и безмолвной артикуляцией. Это было уже не просто рисование. А нечто иное. За гранью сознания.

Я останавливал руку на излете движения. И слушал учителя.

Рублев говорил о том, о чем хотелось слышать. Он говорил, что рисунок может быть незаконченным. Что не нужно печалиться из-за незаконченного изображения. Скорее, нужно скорбеть из-за того, что оно оказалось законченным. Мол, если устремления художника уже можно понять, то для чего придавать рисунку законченность? Но если замысел художника понять нельзя, то работа останется навсегда незавершенной. А если так, то зачем начинать рисовать вообще! Или что-то в этом роде.

Он говорил. И одновременно сосредоточенно водил грифельком по бумажке. Было видно, как мысли его спокойно вызревали. И так же спокойно облекались в слова. Свободные в своем естестве. И величии.

- ...Настоящий художник всегда мудрец... Мудрость - это путь целного существования... Это некое умение - совершенно неумелое - не нарушать великий покой бытия...

Он так и выражался. По книжному. И это не казалось напыщенным. Скорее, наоборот, подвигало к сосредоточенности.

Я думал, что объединяет людей? Совместные идеи? Общие цели? Обоюдная любовь? И находил ответ. Нас объединяет местный опыт. Прочнее, если этот опыт духовный.

Этот опыт накапливал узкий круг рисующих единомышленников. И возникало внутреннее психизмическое-интимное понимание. Возникла некая духовная традиция. Точнее, создавалась. На обширном фоне бесчувственных к искусству людей. Чтобы существовать среди них. И независимо от них. И, может быть, даже от времени...

Рублевские полудлкции-полуразмышления помогали осознать себя живым человеком. Более того, мыслящим. Способным помыслы свои собрать воедино. Когда дух безмятежно спокоен. И рисовать.

ПУТЬ ТВОРЦА, или

ПОИСКИ В ТЕМНОТЕ

Дом архитектора стоит в старом Барнауле. На улице имени революционера Анатолия. Точнее, псевдонима. Скрывая настоящее имя ниспровергателя самодержавия. Хотя раньше эта улица называлась Павловской. Несся в собственном имени память о выходцах из Павловска. Наряду с улицами Бийской и Сузунской.

Так вот Дом архитектора возник на улице анонимного Анатолия. Хотя в его создании участвовали два конкретных Анатолия. Бывший председатель горисполкома и бывший главный архитектор города. Честь им и хвала. Однако, вступление, как всегда, затянулось. Пора переходить к нашему герою.

Василию Рублеву нравилось бывать в Доме архитектора. Уютно было в тех стенах. И дышалось легко. Почти пелось. Было там что-то домашнее. Не то - огонь в камине. Не то - герань на подоконнике. Не то - возвышенные отношения, возникающие между малознакомыми людьми. Перерастая в добросердечные.

Мысленно я возвращаюсь в те стены. И в те времена. Представляю, как Рублев произносит:

- ...Докапывайтесь до себя. До того, что внутри. До того, что душа... - Я слушал его. И мучительно размышлял. Как все просто на словах! И как сложно на деле. Попробуй докапайся до сокровенного в собственной душе. Если она самая ранимая.

И самая любимая. И самая непостижимая. Значит, надо зас-
тавлять себя напрягаться. Работать с листом бумаги и грифелом.
Трудиться, чтобы чувствовать момент единения духа и плоти.
Иллюзорного и реального. Чтобы нащупать путь от внешнего к
внутреннему. От предмета к идее.

А Рублев был тут как тут. Он твердо заявил:

- Путь один - самоотверженность ... - Хорошо, что не самоотреченность, подумал я. И продолжал учиться рисовать.

Насколько я понял, в искусстве Василий Рублев занимал созидательную позицию. Может быть, чуточку агрессивную. И волей-неволей почти жертвенную. Что свойственно интеллигентному россиянину. Однажды он развивал собственную теорию. О роли художника в обществе. И говорил примерно так:

- ...Варварские времена кончились... Появился Художник. (с большой буквы)... Он заменил собой и богослова, и жреца, и святого... Художник за все отвечает. Художник за всех отвечает. Художник предлагает пути...

Почему он так говорил? То ли решил, что искусство может заменить религию? То ли уверовал, что «перестройка» навсегда покончила со смутными временами? То ли хороших книг начался?

Одно совершенно ясно - честный художник всегда предлагает пути. Потому, что находит их. В том числе и путь познания самого себя. Рублев радовался, что уже идет по верному пути. Он это точно знал. Или чувствовал. В том не было тщеславия. Была лишь мягко скрываемая гордость. Помню, что он многократно повторял:

- Не в человеке сила, а в пути...

Не каждый мог согласиться с таким тезисом. И не каждый хотел соглашаться. Коле Гудовичу, например, хотелось конкретики. Он допытывался у Рублева:

- Ну вот в чем суть лично Вашего пути?

На что Василий Федорович отвечал уклончиво. Но твердо. Приблизительно так:

- ...Путь творца - это вера в то, что развитие искусства существует. - Потом добавил. - Хотя поиски идут в темноте...

Косте Красникову, наоборот, хотелось философских обобщений. Поэтому он задавал учителю каверзные вопросы. Но без ехидства. Однажды Костя спросил:

- А что по-Вашему истина в искусстве?

Кажется, я упоминал, что Рублев тяготел к размышлениям о сложном. Видимо, наш герой ласкал себя работой мысли. Поэтому отвечал с удовольствием. Это было видно не вооруженным глазом. Короче, Рублев говорил долго. И красиво. Запоминалось главное:

- ...Истина - это озарение... Истина перестает быть истиной, если ее поставить под сомнение... Истина мгновенна... Остановить мгновение - вот задача...

И сам продолжал останавливать мгновения. Из жизни. Запечатлевая их на бумаге. Простым пастельным растром. Который обретал качество акварели. Воссоздавая движение света. Внутрь листа. На грани возможного.

Так получается, что глава эта нечаянно наполнилась цитатами из уст нашего героя. Причем, сомнительной достоверности. Поскольку память удерживает не все подряд. Лишь обрывки мыслей. Или ассоциаций. Но то, что «поиски идут в темноте», а «истина мгновенна» - совершенно искренние его слова. И абсолютно достоверные.

Иначе не стоило бы и вспоминать.

Как никто и не вспоминает об анонимном Анатолии.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА,

или

ПОИСК АРОМАТА ЖИЗНИ

Жизнь художника - череда его произведений. Жизнь современного художника - череда участия в выставках. Хорошо, когда эти выставки зональные или республиканские. Лучше, если они персональные.

Персональная выставка Василия Федоровича Рублева состоялась в 1989 году. Первая и последняя. С одной стороны, это кажется странным. Когда художник первый раз показывает всего себя после полувека жизни. С другой стороны, это кажется вполне закономерным. Когда человек говорит сам себе: «Да, я готов. Я сложился как художник».

Надо сказать, что Рублев болезненно заботился о собственном саморазвитии. Процесс становления художника в нем происходил трудно. Осознавание себя творцом было мучительным. Судя по его рассказам. Мешали нелепости быта. Слабость здоровья. Нехватка денег. Был у Рублева период, когда он сомневался в себе. Сомневался, что он художник. По рождению. Он говорил, что мечтал из созерцателя превращаться в деятеля. Мечтал стать творцом. Как комический актер мечтает сыграть Гамлета.

Сложнее всего пробиваться сквозь непонимание ближних. Дальние не столь ревнивы. Кроме того, признанию на выставках мешал собственный характер. Характер максималиста. Тем более, что его суждения и вера в искусство мало чем подкреп-

лялись. Кроме собственного темперамента. В юношеские годы, разумеется. Он так и заявлял:

- Человек стоит столько, во сколько себя оценивает...

В общем, в Союз художников Рублев вступил лишь перевалив возраст Христа. После участия в республиканской выставке. «На России» - как говорят художники. Более того, сам Комов отметил работу Рублева. Если верить свидетелям. А вот персональную выставку Рублев осилил спустя восемнадцать лет. За это время мальчик превращается в военнообязанного. Чтобы умереть за Родину. Или за искусство. Что глубоко символично.

Как бы то ни было, но Рублев пришел к своей персональной выставке. Подчиняясь естественному течению жизни. Уже были мощные наработки в рисунке. Уже состоялись в материале скульптурные произведения. Уже заинтересовались им столичные искусствоведы. И сотрудники Третьяковской галереи. Наконец, появился слой собственных учеников. Разделяющих его взгляды. И эстетические принципы. Можно было поднимать занавес. И Рублев его поднял.

Благодарные зрители пережили настоящее зрелище. Особенно искусшенные. Для неискушенных экспонировались круглая скульптура и рельефы. Для штатных идеологов - гипсовые головы передовиков производства. И даже сельских механизаторов.

На этой выставке меня поразили два рублевских автопортрета. Первый с афиши. Разработанной Борисом Щербаковым - эрудитом и острословом. Кстати, симпатизировавшего нашему герою. На том бордово-черном портрете контраст света и тьмы. Из тьмы смотрит глаз Рублева. Он смотрит и видит. Потому и может воссоздать себя на грани света и тьмы. И другой автопортрет. Единственный с текстом на полях. В облаке охристых пятен. Можно было сказать «золотисто-серебристых». С драмой мира, отразившейся в его глазах. Казалось, он произносит: «Мудрый радуется Небу и знает Судьбу...»

Выставка показала - кто на Алтае лучший рисовальщик. И мыслитель одновременно.

Я замирал перед знакомыми рисунками. Оформленные в паспарту они поднимались над прозой домашнего просмотра. К высотам музейного экспонирования. Стекло отделяло автора от собственных произведений. И отдаляло тоже. Рисунки становились частью общей культуры. Точнее, частью нашей цивилизации.

Знание анатомии давало художнику свободу. Знание обрело качество свободного видения. Я задумывался. То ли женское тело восхищает рисовальщика своей динамичностью? То ли

восторженный художник своим духовным динамизмом делает натуру столь восхитительной? А может быть, зритель участвует в этой игре наравне с ними? А вселенский Разум руками Рублева приоткрывает свои тайны?

Раскованное рисование одного порождало раскованное мышление многих. А многих интересовали свободолюбивые идеи политического обновления общества. Поэтому журналисты пытались Рублева по поводу свободы творчества. Рублев оказался готов к такому разговору. Не только практически. Но и теоретически. Потому отвечал:

- ...Безграничная свобода невыразима без рамок... Без ограничений... Общественно значимая идея сужает безграничную свободу... Создавая тем самым реальную свободу... Позволяющую творить...

Он формулировал так. Или примерно так.

Изображения женской натуры занимало, наверное, половину экспозиции. Было очевидно, что женщина - излюбленный мотив его творчества.

Вот набросок черным соусом. Виртуозно обозначенное тело подразумевает столь же замечательную голову. И прекрасное лицо. Но не было ни глаз, ни носа, ни ушей. Было лишь движение пальцем, давшего намек на тень. Не более и не менее. Но образ! Образ живого человека уже был создан!

А вот еще рисунок. Женский торс растет из пустоты. Пугая движением формы. Точнее, ее развитием. И восхищая остротой глаза рисовальщика. Ничего не прорисовано в прямом смысле. Но все есть. Есть узнаваемые детали, которые не были деланы. Но создались. В яростном сиянии света. С потрясающей реалистичностью!

На открытии выставки я оказался свидетелем короткого диалога. Кто-то спрашивал Рублева:

- Что Вами движет, когда Вы рисуете женщину?

На что виновник торжества отвечал с улыбкой сэнсэя:

- Поиск гармонии мира... аромата жизни... и тепла...

Ответ вдохновлял своей простотой. И сложностью одновременно. Соединение божественного с бытовым позволяло разглядеть совершенно новый тип художника. Сделавшего себя. Развивающего себя. Открытого космосу. Вбирающего в себя всю красоту мира. И несущего свое собственное представление о красоте.

Рублев стал созидателем. Сохранив талант созерцателя. Он все-таки сыграл своего Гамлета.

ФЛЕЙТА,

или

ОТКРОВЕНИЕ ПО ТУ СТОРОНУ СЛОВ

В мастерской у Рублева всегда были музыкальные инструменты. Преимущественно гитары и флейты. Такого вот пристрастия художника к звукоизвлечению. Струнному и духовному. Флейт было много. В основном это были блок-флейты. Припоминаю флейту-пикколо. А может быть и флажолет.

Играть на флейте Рублев учился самостоятельно. И предлагал остальным:

- Это очень просто...

Он произносил это с обезоруживающей убежденностью. Как заботливый родитель. Уча малыша застегивать пуговичку.

Рублев был музыкален. И любил всякий инструмент. Флейту он слушал во всех углах своей мастерской. Искал лучшее звучание. Искал это место даже на лестничной клетке. Как эмпирический акустик. И эту точку он все-таки нащупал. Точнее, выслушал.

Когда светлоокий Рублев касался губами флейты - все замирало. Чтобы затрепетать чуть позже. Подчиняясь чарующим звукам. Казалось, мелодия исходила не от человека. А из самой вечности. Некая сила разливалась вокруг. И даже скорбь становилась светлой. (Прошу прощения. Про светлую скорбь где-то уже было.)

Сам Рублев выразился однажды так:

- ...Кто слышал флейту человека, но не слышал еще флейты Неба...

Мне показалось, что Небо прозвучало, как имя одушевленное. Но Василий Рублев не был религиозен. В христианском смысле. Однако, жил под чарами красоты и искусства. Похоже, его религией была красота. Точнее, эстетическое впечатление от мира. Которое сродни религиозному. Особенно для одаренных натур. Сам Рублев устраивал проповеди о необходимости духовного самосовершенствования. Что не является поводом думать о его набожности. Тем более, что обращение к Всевышнему у него было интимно-фамильное. Он так и восклицал:

- Боженька ты мой, как это красиво!

И продолжал вести мелодию. Закрыв глаза. И забыв о гостях.

Порой у меня возникало подозрение. Персходящее в ревность. Мне казалось, что Рублев музыку любит больше, чем изобразительное искусство. Правда, подозрения гасли с последними звуками флейты. И первыми словами флейтиста. О том, что игра на флейте помогает ему видеть цвет. Как он выражался: «Возвращает колористическое зрение».

Я думаю, что Рублев развивался, как универсальный художник. Он содрал с себя шоры узкого ремесленничества. А мо-

жет быть и не надевал их. Он не ограничивал себя материалом. Или видом. А также жанром. В его арсенале были цвет, звук, слово. Иначе говоря: живопись, музыка, литература. Он всматривался в глубину цвета. Он вслушивался в глубину звука. Он вдумывался в глубину слова. Он шел по пути погружения в их волнующие глубины. Он искал радости в этой погруженности. И, похоже, находил. При этом сознавался:

- Меня это греет...

Видимо, Рублев выпашивал идеи синтетического искусства. Потому, что говорил:

- Музыка говорит о том же пространстве, что и живопись...

Это было откровение мастера. Откровение, возникшее из глубин восторженного созерцания чуда жизни. Откровение по ту сторону звуков. По ту сторону знаков. По ту сторону слов.

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА, или ЗАЧЕМ БЫТЬ ВТОРЫМ

Рублев для многих был загадкой. Нет, вру - для немногих. Тех, с кем его близко сводила судьба. Чем ближе знаешь, тем больше открывается непознаваемого. Он раскрывался лишь в беседах. Особенно в добрых. Не в диспутах, не в докладах, не в официальных прениях.

Я заметил, что на него давил груз фамилии. Рублев чувствовал некую моральную ответственность перед великим однофамильцем. Однофамильцем ли?

Он смог перенять опыт русских иконописцев. В части лаконичности рисунка. И величественности образов. Если верить его другу Квасову. И собственным глазам. Божественно-монументальное рисование Василия Рублева вызывало восторг у друзей. И недоумение у посторонних:

- Неужели он так искусен?

Студийцы горячились:

- Он гениален!

Сам Рублев отвечал уклончиво:

- У меня есть Путь...

Именно так, с большой буквы.

Забавные отношения сложились у Василия Федоровича с большинством студийцев. С одной стороны, он вел себя, как равный среди равных. Что провоцировало обращаться к нему на «ты». И в то же время никто не хотел нечаянно оскорбить его панибратством. С другой стороны, пропасть разделяла учителя и учеников. Что побуждало относиться к Рублеву с большим пис-

тетом. Но делало смехотворным разговор на «вы». Поэтому в разговоре избегали прямого обращения. Конструируя вопросы так:

- Можно ли достичь уровня Рублева?

Василий Федорович отвечал аллегориями. Но честно:

- Невозможно. Я уже ушел на двенадцать лет вперед... И нет смысла тягаться... Я взращиваю свое дерево... Каждый должен обихаживать свое дерево... Зависть не даст развиваться собственному цветку...

Рублев умолкал. Но брови его продолжали жить на лица самостоятельно. Как бы проявляя дальнейшее биение мысли.

Душеспасительные беседы продолжались позже. И под иным углом зрения. Зато с вином. Рублев уверял, что врачи разрешают ему пить слабенькие вина. Более того, рекомендуют. Якобы это стимулирует переваривание пищи желудком. Точнее, при его отсутствии. Я соглашался. Но с оговорками. Напоминая об умеренности. Собеседник тоже соглашался. Но цитировал древних китайцев. Уверявших о пользе слабоалкогольных напитков. Помогаящих раскованному Духу подняться к вершинам творчества. Которое Рублев толковал исключительно, как повод для радости. Он так и заявлял:

- Моя радость всегда со мной...

Потом обобщал:

- ...Жизнь - вот совершенно естественная радость.

После чего разговор непостижимым образом переходил с духовной темы на материальную. Видимо, собственная жизнь не всегда была праздником. Особенно в браке. Потому, что дальше он развивал свою мысль примерно так:

- Чем свободнее мы от всего, что наполняет нашу жизнь, тем больше мы способны объять собой. Тем больше в нашей душе покоя... Покой - вот фундамент настоящей радости...

И делал логический, но неожиданный вывод:

- ...Мудрец покоен в своей бедности.

Я соглашался:

- Хорошо, что мы не мудрецы...

Похоже, тема мудрости интересовала Рублева. Или даже волновала. Однажды он заявил:

- Истинная мудрость сокрыта от света...

Он так и выразился «сокрыта». Высоким штилем. Потом продолжил:

- Мудрость - это метафора истины... Это след просветленного Духа...

И еще что-то про маску естества. Или декор сущности. Про тот самый декор. Из сферы искусства. Кажется, мы сошлись на том, что мудрость - это синтез ума и чувства. Обобщив все возможное. Но Рублев предпочитал более тонкие формулировки. Или более чувственные. Поэтому подытожил:

- Все-таки, мудрость - это союз понимания и радости...

Он оставался верен восточной философии. Несмотря на европейское образование. Вообще, этот человек пытался соединить разьединенное: Восток и Запад. Соединить то, что существует самостоятельно. И самодостаточно. Зачем он это делал? Видимо, искал свой путь. Или уже шел по нему. Ведь на стыке культур может отыскаться нечто необыкновенное. Как на стыке наук. Или жанров.

Этот ход Рублев пытался использовать в своей декоративной живописи. Во всяком случае, мне так показалось. Но ярче всего этот феномен проявился в некоторых его автопортретах.

В его мастерской висел автопортрет с персональной выставки. Портрет с текстом в композиции. Мысленно я называл его «оранжевым». Втертые друг в друга сангина, уголь и мел лепили плоть автора. На тонированной картонке. Свет обтекал вдохновенного волхва. И сосредоточенный взгляд. Сквозь зрителя. И внутрь себя. Восточное самосозерцание. Постигание глубины собственного сознания. Если говорить о содержании произведения. И западная самореализация. Осмысление материального. Если говорить о внешних атрибутах портрета. О форме, то бишь.

Я часто разглядывал этот автопортрет. И подозревал, что в силах достичь такой же виртуозности исполнения. Однажды я сказал Рублеву об этом. Правда, в деликатном виде.

Рублев остался спокоен. Как Будда. И ответил:

- Тот, кто сравнился с учителем, достиг лишь половины учительской силы... Тот, кто превзошел учителя, может быть его наследником...

Мысль эта мне сильно понравилась. И я подумал, что стать учеником ответственнее, чем быть учителем. Но испугался собственных умозаключений.

И еще Рублев сказал:

- Стань вторым. И ты станешь первым...

И первый раз в жизни я его не понял. И эта мысль осталась для меня тайной. Но мне нравится, что у меня есть эта тайна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,

или

ПУТЬ К ЖИЗНИ

Вот и близится к завершению мои сумбурные воспоминания. Или впечатления, если угодно. От встреч с Василием Федоровичем Рублевым. Не все, конечно. Но те, которым мне захотелось поделиться с любопытным читателем.

Я не воспроизвел полной картины жизни Рублева. Да и не собирался. Зато попытался найти некоторые слова правды. И если пришли эти слова, значит, я к ним шел.

Сам Рублев к словам относился с предубеждением. И выражался примерно так: «Каждое слово имеет смысл только в конкретной ситуации... Слово - только намек на истину, лежащую по ту сторону слова...»

Я заметил, что он больше думал об истине. Нежели о правде. Видимо, поиск истины более привлекателен. Поскольку истина - категория вечная. Может быть даже абсолютная. А правда - всегда относительна. В смысле - временная. Как вечная красота и сиюминутная красивость.

Он верил, что в жизни все сходится наилучшим образом. Причем, само собою. Или хотел верить. Он верил, что подлинная красота обязательно должна быть истинной пользой. И настоящей добродетелью. Он часто повторял:

- Наш путь - путь развития... Путь жизни искусства...

Эту тему он иногда трансформировал. Переходя из идейно-созидательной плоскости в философско-этическую. Это звучало примерно так:

- Первоначала нет... Есть наш подлинный облик. И свершаемый нами путь...

Идея смысла жизни всегда звучала в разговорах. Иногда даже в случайных репликах. Что подтверждает направленность его умственной работы.

Однажды я записал такую фразу: «Стать настоящим хозяином жизни сможет тот, кто позволит жизни быть тем, чем она есть...»

Я пожегся. Бездна открывалась за смыслом этих слов. Или наоборот, пряталась. Во всяком случае, простое становилось недостижимым. А сложное упрощалось. И тайны жизни проявлялись на ее поверхности. Как в светлом зеркале.

Рублев стал тем, кем он стал.

Он излучал несокрушимую мощь жизни. Он привлекал к себе людей. Он воздействовал на мир, не обнаруживая себя явно. Он не требовал власти. Но чуткие люди шли за ним. Он не доказывал своей правоты. Но чуткие люди верили ему.

Он погрузился в поток творческого самообновления. Он вошел в духовное соприкосновение с другими жизнями. И другими судьбами. Достигнув предела своего существования.

ФРИДРИХ ДАВИДОВИЧ БОЛЬГЕР

Родился 12.04.1915 г. в с. Рейнгард Саратовской области. В годы войны работал землекопом на стройках оборонной промышленности г. Челябинска. С 1962 г. связал свою судьбу с Алтаем.

Автор трех книг на русском языке - «Ибо ты человек», «Сердце поэта», «Мой лучший день».

Член Союза писателей СССР с 1968 г.

Умер в 1988 г. Похоронен в г. Славгороде.

Мы любим уезжать.

Неогорчимо

Целуем матерей, сестер, невест,

Как будто мы больны неизлечимо

Жесточкой жаждой перемены мест.

Летим, плывем -

Не можем жить иначе -

В вагонный быт вживаемся ладом.

Но вскоре понимаем, что же значит

Для нас родимый край и отчий дом.

И мы уже

В тревоге и печали,

И просим дни разлуки мчать скорей.

Все чаще вспоминаются ночами

Бесхитростные песни матерей.

Но, может быть,

Не в этих песнях дело,

Коль рассудить степенно, не спеша;

Поскольку ведь, в отъезде, только тело,

А там, в родном краю, у нас душа.

НАШЕ МОРЕ

...А наше море не чета соленым

Морям, от шквалов и штормов седым.

Весной оно стоит у нас зеленым,

А осенью бывает золотым.

Здесь не играют чайки на просторе,

Не реют буревестники вдали, -

Певцы другие славят наше море,
Свои здесь катера и корабли.

Матросов много, есть и капитаны,
Известные и здесь и вдалеке.

И я сегодня к морю спозаранок
На утлом мотоцикле-челноке.

Смотрю вокруг: хорошей быть погоде!
Гляжу, как в сине-золотой дали
Ступенчатым кильватером проходят
Высокие комбайны-корабли.

От них «улов» отвозят полновесный
Гудящие машины-катера.
А хлеб идет, плывет великой песней,
Плывет сегодня так же, как вчера.

Сорвал я колос и растер в ладони.
И сорок полных зерен насчитал.
Пусть будет глубже море - не утонем!
Оно морям соленым не чета.

ПЕРО

Как день проходит быстро!
Закат за колком сгас.
Вон звезды, словно искры,
Луна, как рыбий глаз.

Заснул в деревьях ветер,
Погас в окошках свет.
Наверное, на свете
Лишь мне покоя нет.

Опять сижу в полночь,
Что филин на суку.
Ищу средь многострочья
Заглавную строку.

Ее неясным светом
Я много лет влеком.
Она и рядом где-то,
И где-то далеко.

Вот потому не спится
Мне в эту ночь никак.
Она - перо жар-птицы,
А я - Иван-дурак.

А ночь течет немая.
Уж за окном серо.
Пусть птицу не поймаю -
Зато схвачу перо.

НА ПРЕДЕЛЕ

Гнездо чирка нашел я как-то в иле.
В гнезде - яйцо. И я подумал: «Вот
Для матери без мук и без усилий
Рождение птенца произойдет».

Спросил бы я: «Природа, почему так
Заведено тобой из века в век -
Рождается в невероятных муках
Венец твоих творений - человек?

Беспомощный, медлительно крепчает,
Отстаивая жизнь, ведет бои -
А после неизменно отвечает
За прочие творения твои!»

И тут в ответ неуловимый ветер
Мне голосом судьбы провозгласил:
- Великое рождается на свете
Лишь на пределе обретенных сил.

НА РАССВЕТЕ

Кручу в рассвет велосипед,
Не опоздать стараюсь.
Еще момент, и грянет свет
У горизонта с краю.

А вот и вспыхнули вокруг
Росинки светляками.
И зашептались листья вдруг
О чем-то с ветерками.

Уполз медлительный туман
В разлоги и низины.
Открылся далее задний план,
Как глубина картины.

Какую новь она таит
И прячет постоянно?
А вот и трактор мой стоит
У полевого стана.

Стоит, заждавшийся меня,
Конь масти вороненой.
Сейчас я поведу коня
Равниной и по склонам.

Приятно, что ни говори,
Полями, а не трактом
Под ярким пологом зари
Вести торопкий трактор.

Благословлять навек любя,
И поле, и пригорок -
Весь отчий край, что для тебя
Так несказанно дорог.

Перевод Г. Володина

БОРИС НИКИФОРОВИЧ БОНДАРЕВ (БРАТОВ)

Родился 12.02.1945 г. в г. Змеиногорске Алтайского края. Окончил Алтайский политехнический институт им. И.И. Ползунова. В 1979 г. был избран зам. председателя, а в 1988-м председателем Змеиногорского горисполкома. С 1995 г. - директор ООО «Алмар». Автор поэтических книг - «На Изумрудном озере», «Родник», «Я этой землей очарован», «Мухлеж» и «Синегорье».

Член Союза писателей России. Живет в г. Барнауле.

Там, где ручей у дороги
Моет гравийный песок,
В дивной, волшебной тревоге
Пляшет «пастиший рожок»,

Вот одряхлевшая хата,
Скрытая кроной ветлы,
Здесь ли я в детстве когда-то
Видел волшебные сны?

Юношей здесь длинноногим
Встретил я радость свою...
Нынче на пыльной дороге
Вновь, как и раньше, стою.

Вот этот дом, это место
Ты здесь когда-то жила
И на скамье, под навесом,
В полночь мальчишку ждала.

Помнишь ли тихие зори?
Снова вздыхаю: «Приди».
Губы сомкнутся до боли,
Вырвется стон из груди.

Что же ты счастье пророчишь,
Месяц, играя в ручье?
Милая, ты не захочешь
Выйти сегодня ко мне...

РОМАНТИКИ

От заботы извечно привычной
Ухожу я, в природу влюблен.
Мы сидим здесь у речки обычно,
Под гитары задумчивый звон.

Эти встречи нам будут подарком -
Ни печалей, ни разных тревог,
И костер согревает нежарко,
И ласкает ночной ветерок.

Так легко, хорошо и спокойно,
Как давно не бывало нигде,
И деревья высокие, стройные
Чуть колышутся в темной воде.

Обними меня, родная,
Мне не нужно лишних слов.
Сердце, трепетно взывая,
Передаст твою любовь.

Губы яркие, пылая,
Пусть не шепчут в тишине.
Поцелуй меня, родная,
Дай их в дар сегодня мне.

Руки, нежно пробегая,
Гладят волосы мои.
Обними меня, родная,
Нет стеснения в любви...

Я, очами околдован,
Обвиваю гибкий стан,
Разгадаю тебя снова,
Будто век тебя не знал.

Новый год, свеча мерцает,
Звезды светятся во тьме,
Ты - сама любовь святая,
В дар с небес сошла ко мне.